

М. ТИСС

ЦЕНА ВЕЧНОСТИ

18+

М. Тисс

Цена вечности

«Автор»

2026

Тисс М.

Цена вечности / М. Тисс — «Автор», 2026

Лекарка, горящая желанием исправить ошибки прошлого, наемник, что ненавидит свою жизнь, но хочет спасти чужую, и паломник, пытающийся понять новую веру, прибывают в один город, но в разное время: в прошлом, когда он медленно умирал, в настоящем, где погиб, и в будущем, где переродился. Каждый из героев сталкивается с призраками этого места, с его сущностью, что пытается совратить сердца и подтолкнуть к бездне, отчего даже те, кто нес спасение, начинают сомневаться в своей добродетели.

© Тисс М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Ноаш	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

М. Тисс

Цена вечности

Глава первая. Ноаш

Город был на грани смерти, разлагался и стонал, однако его ещё можно было спасти. Но стоило ли?

Ноаш же решила попытаться. В безумии своем она однозначно выделялась среди прочих, но пока сама этого не осознавала. Она прибыла в умирающий Мелиос с юга, из страны, славящейся своим жарким нравом и диким солнцем, а, может, и наоборот. Кто знает? Край тот лежал за горами у бескрайнего пугающего всех северян моря, столь же бесовского, как и народ, проживающий на его берегу. Северяне были трусами – они боялись узнать о том, что кто-то мог превзойти их в медицине, в кузнечном деле и, в конце концов, в открытости взглядов. Северяне были ленивы – они не желали пересекать огромные расстояния для того, чтобы двигаться вперёд и налаживать связи с миром, все сильнее прирастая корнями к насиженному удобному месту. Северяне были глупы – они отказывались признавать, что им нужна помощь.

До того самого момента, пока не стало поздно.

Ноаш прибыла вечером. Распугав детвору, она, восседая на невиданном рогатом жеребце двух метров в холке, чья чёрная шерсть явственно отдавала красным в лучах умирающего солнца, проехала через две деревни, лежащие на пути к городским стенам.

Люди оборачивались ей вслед. Они боялись даже окликнуть её, а потому молча наблюдали, не осознавая в своём невежестве, что это проезжает лишь такой же человек, как и все они. Они перешептывались и обсуждали увиденное, передавая новость о южанке из уст в уста. Ноаш даже не подозревала, с какой скоростью шла народная молва, пускай, конечно, и видела окружившие её встревоженные взгляды.

Она попыталась обратиться к мужчине, что стоял на обочине дороги, презрительно, сощуриив один глаз, глядя вверх, прямо в лицо Ноаш.

— Добрый человек, не подскажите ли...

Никто больше не сможет сказать, что же хотела узнать Ноаш у доброго человека, поскольку даже она сама забыла об этом, когда мужчина, стоило ей приблизиться достаточно, чтобы её было слышно, достал из штанов то, что могло бы называться достоинством, будь оно хоть сколь либо достойным, и помочился на землю, лишь по воле случая не попадая на холёный чёрный волос. Конь встрепенулся, мотнув головой, и Ноаш поспешила его успокоить.

— Жалкое зрелище, — с отвращением, но не без замешательства произнесла девушка и повела коня быстрее.

К слову, звали животное – которое, конечно же, конём не являлось, а представляло собой особь мужского пола борхулла, которых от коней отличали вышеупомянутые рога и выдающийся рост, - Сон. Так прозвали его объездчики, отдававшие животное на торгах, но Ноаш странным образом называла его немного иначе: Сын. Далеко не все могли понять: так играл, меняя на слуху одну букву, её Южный акцент или же выражалось одиночество, подпитывающее столь сильные чувства к простому, пускай и до неприличия верному, борхулле.

Ноаш была уже у городских ворот, когда её наконец встретила стража. Двое облаченных в латы мужчин преградили ей путь, бряцая тяжёлыми мечами. Они пялились на неё, словно ожидая, что девушка соизволит заговорить первой. На самом же деле они, как и все прочие, боялись.

— Поприветствуйте и пропустите! Ноаш Спасительница к вашим услугам!

Голос не принадлежал ни стражам, ни самой Ноаш.

Из-за спины южанки выехал обычный конь, неприглядный, меньше борхулла девушки с безразличными чёрными глазами, который вёз на себе говорящего: облаченного в темно-синюю мантию человека. Его лицо было скрыто под капюшоном, из-под плотной материи виднелись длинные золотые волосы. Голос был молод, полон задора и юношеской дерзости. На его руке, держащей поводья, поблескивал знак ордена Грёз. Человек был колдуном. Этот факт был бы прекрасным поводом для обсуждений, если бы все внимание на себя не отвлекала его спутница с юга.

— И кого же она собралась спасти? — стражи недоверчиво переглянулись и один из них, тот, что повыше, или же тот, что хотел казаться таковым, нарочито выпрямляясь, предвзято хмыкнул.

— Вас, — ответил колдун.

Даже за тенью капюшона было видно, как он осклабился, вперив взгляд в преградивших им с Ноаш путь северян.

— Мы же договорились, что ты не будешь с порога распугивать всех людей, Келль, — упрекнула Ноаш, тем не менее наслаждаясь представлением.

— Я ничего не испортил. Ты и без меня с этим прекрасно справляешься.

— Кто вы?

Нарочито высокий страж направил клинок в сторону гостей.

— Кажется, они меня не понимают, — усмехнулся колдун.

Ноаш вздохнула, покачав головой.

— Наверное стоит извиниться за манеры моего спутника, — произнесла она. — Он помешан на запоминающихся представлениях. Вентеркелль. Он сопровождает меня, обеспечивая безопасный путь, а более вам ничего знать не нужно – он будет вести себя тихо. Моё имя вы уже знаете. И верно... Я прибыла, чтобы вас спасти, если, конечно, слухи об ужасной хвори, поразившей сердце королевства, не лгут.

Ничего не понимающие стражи не смогли подобрать достойный ответ на подобное прямолинейное заявление, а потому довольно скоро Ноаш и Вентеркелль оказались за решеткой.

Ноаш, насколько позволяло тесное пространство, прогулочным шагом расхаживала из стороны в сторону, сложив руки на груди. Она казалась спокойной и совершенно не встревоженной, может, скучающей, однако, как и всегда в этом мире, внешнее оказывалось ложью. Ногти на руках крепко вонзались в ее кожу на локтях, выдавая то, что она пыталась скрыть. Ноаш боялась. Сильно боялась. Мерзкое чувство, присущее всем смертным, липкой паутиной уже давно обвило все ее внутренности, мешая спокойно существовать, и теперь пыталось выкарабкаться наружу, именно тогда, когда Ноаш понимала, как много зависит от этого дня. Однако она была достаточно умна, понимая также и то, как важно в этот день держать лицо и не дать страху показать себя.

На низкой лавке в этой же камере сидел Вентеркелль. Его заставили снять плащ и отдать на обыск, поскольку сочли тот достаточно подозрительным. Тогда стражи и заметили на руке знак в виде человеческого глаза, пронзенного насквозь пером, отчего руки колдуна теперь были закованы в железные перчатки. Вентеркелль несколько раз сжал и разжал пальцы. Перчатки были похожи на рыцарские, однако снимались исключительно при открытии замка, закрепленного на обеих руках. Они были сделаны из стали с пластинчатыми чешуйками на пальцах, позволяющими их сгибать, не сковывая движения. Защита не от людей, но от колдунов. Вентеркелль хмыкнул, и в его золотых, подобно волосам, глазах блеснуло недовольство.

— Наверное, поэтому мой клан старается не покидать гор, — произнес он, бряцнув сталью о сталь.

— Только вот это больше не твой клан, — отозвалась Ноаш. — Так что привыкай к новым правилам.

— Разве ради этого я нарушал старые? — спросил Вентеркелль с усмешкой.

Он поднял руку, рассматривая небольшой замок на ней, и ударил им о железную решетку, наивно пытаясь его сломать. Громкий звон эхом пробежался по комнате, однако Ноаш даже не обратила на это внимание. Высокий страж же, охранявший их снаружи, резко дернулся, выхватывая меч из ножен, всем своим видом показывая, что готов храбро сражаться с обезвреженным колдуном и безоружной девушкой за решеткой. Не на жизнь, а на смерть.

— Что такое? — колдун оглянулся по сторонам. — На нас нападают?

Страж недовольно цыкнул, опуская оружие.

— Еще раз что-то такое выкинешь, — прошипел он.

— Ох, это... Простите, мне показалось, здесь сидел паук. Знаете, я до жути боюсь пауков. Любых. У них такие мерзкие волосатые лапки. Зачем им столько? Целых восемь. Отвратительно, правда? Они маленькие и проворные, и живучие, — Вентеркелль передернулся. — Они живут в городе, на улице и в вашем доме.

Вентеркелль откинулся на стену, не переставая говорить.

— Они могут то, чего не умеете вы, пробираются туда, куда вы не сможете. Они хищники, зачастую опасные и непредсказуемые. Однако они полезны людям, — Вентеркелль оглядел свои руки, покрытые сталью, — но вызывают неподдельный страх.

— Зачем ты рассказываешь мне о пауках? — наконец не выдержал страж.

— Каких пауках? — улыбка колдуна, когда он взглянул на мужчину, на мгновение стала хищной.

Страж сглотнул, настороженно переводя взгляд на девушку, которая будто и не слышала этого занимательного монолога.

— Держите своего цепного пса в узде, — произнес он.

Вентеркелль, не то от скуки, не то просто из вредности характера не мог оставить и эту реплику без ответа, поддавшись вперед в сторону стража и клацнув зубами. От неожиданности суеверный мужчина втянул голову в плечи и сделал несколько шагов от решетки. Своей детской выходкой Вентеркелль остался доволен.

— Верно мне не солгали, — послышался шелестящий мужской голос. — Вы действительно путешествуете в компании колдуна. Колдуна-еретика.

Вентеркелль ухмыльнулся так, будто это клеймо, (приписываемое всем колдунам, решившим, что они достойны влиять на этот мир сильнее, нежели предписывает им кодекс - из тени и без близости к людям), ему польстило.

Человек, которому принадлежал голос, спустился по лестнице, подходя ближе к решетке, за которой держали пленных. Это был статный мужчина, почтенный возраст которого выдавали только морщины, тонкой паутинкой расходившиеся по лицу. У него была прямая осанка, которую не смогли сломить годы и умный, не затуманившийся с возрастом, взгляд. При разговоре с людьми ниже него по положению он поднимал подборок так высоко, словно за волосы на его затылке дергал надоедливый ребенок, а руки держал перед собой, сцепив крючковатые пальцы, на которых даже в свете тусклых факелов поблескивали несколько колец - золотых, но без камней, дорогих, но недостаточно вычурных. На груди, на ухоженном дублете, был вышит черный пес, укрывающий широким хвостом город - герб, который было легко узнать, поскольку он принадлежал не этому человеку - важному, но не столь известному, а королевской семье Мелиоса.

Что ж, мужчина был один из тех людей, кого с пеленок воспитывают как аристократов, однако аристократов, вынужденных прислуживать другим чуть более удачливым, чуть более аристократичным аристократам. У таких людей, как он, эта участь была написана на лице, отражалась в его гордых, но уязвленных глазах.

Страж выпрямился, опустив руки по бокам и поприветствовал вошедшего.

— Советник Артос!

Наконец Ноаш проявила интерес к происходящему, сделав пару размеренных шагов к решетке.

— Вольно, — советник вальяжно поднял руку в сторону стража. — Ноаш, спасительница с юга, — он обратился к девушке, кошачьими колкими глазами пробегаясь по ней: по смуглой, непривычной глазу северян, коже, по стянутым в тугий хвост грязным волосам, по длинной кожаной куртке, потрепанной долгой дорогой, выцветшей под жарким южным солнцем.

— Такой теперь тебя запомнят, — удовлетворенно произнес Вентеркелль. — Не забудь благодаря кому.

Артос делал вид, что в упор не замечает разговорчивого колдуна.

— Королева Галлет прислала меня за вами, — произнес он, не отводя взгляда от Ноаш. — Но прежде обязала задать вам вопрос.

— Так задавайте, не стесняйтесь, — ухмыльнулась девушка.

Артос нахмурился, очевидно не привыкший к подобному свойскому отношению.

— Зачем вы здесь? Как ни странно, но стражи, встретившие вас у ворот, не смогли достаточно полно ответить на этот вопрос.

— Сдается мне, — Ноаш лукаво переглянулась с колдуном, наслаждающимся зрелищем, — это вы не поняли того, что они сказали, поскольку я достаточно полно дала понять, что хочу спасти вас от хвори, поразившей город.

Ноаш говорила уверенно, глядя мужчине прямо в глаза. О, она не просто держала лицо, она пыталась заменить его другим. В тюрьме воцарилась тишина. Советник скривился, но по его лицу Ноаш поняла: она выбрала правильную стратегию. Он был заинтересован.

— И как именно вы хотите это сделать? — Артос спрашивал тихо, сдерживаясь, сохраняя манеры.

Девушка вновь бросила короткий взгляд на Вентеркелля, словно в последний раз советуясь перед тем, как кануть в пропасть, подкрепляя его уверенностью свою.

— Я нашла лекарство от Плесени. Ведь так вы ее называете?

Да, “Плесень” довольно точно отражала природу заболевания, в ходе которого зараженные стремительно покрывались грибковыми наростами. Их разум заволакивал туман, они забывали себя и близких, становясь безвольными куклами, прежнюю сущность которых выдавали лишь какие-то привычки и детали, сохранившиеся на некоем более глубоком уровне. Однако бедолаги не умирали. Они жили, пока жила пленившая их зараза.

Наверняка у этого заболевания было другое, более научное и зловещее название, но люди давно забыли его, остановившись на самом звучном.

Ноаш выдержала паузу, давая советнику осознать услышанное. Тот был ошарашен, но старался не подавать вида и лишь покосился в сторону стража, который в свою очередь не привык к тому, чтобы перед кем-то скрывать свои эмоции. Он поджал губы и на какое-то время, казалось, перестал дышать. В глазах, скрытых в тени шлема, загорелась надежда. Здесь было что-то личное.

Убедившись в том, что не ослышался, Артос вернул свое внимание девушке за решеткой.

— У меня есть рецепт, — продолжила Ноаш, убедившись, что произвела должный эффект, — и образец и, если он подействует...

— А он подействует, — вставил колдун.

— ...и я смогу излечить зараженных в городе на всех стадиях развития заболевания, — Ноаш кивнула словам Вентеркелля, но не дала им себя сбить, — я изготовлю больше.

Слова южанки эхом отражались от стен, резонируя в сердцах двух измученных жителей погибающего города. Советник прошелся вдоль помещения - серого и безжизненного пространства, пахнущего сыростью. Огонь двух факелов оставлял на его лице пляшущие резкие тени, делающие его еще более угрюмым. Он раздумывал слишком долго, взвешивая все за и

против, как пристало человеку его положения и статуса, выросшему в мире бюрократии и долгих принятий решений, а потому первым тишину нарушил страж.

— Мой господин, думаю стоит выслушать ее... Моя жена...

Его господин не желал слушать мнение человека, чей статус не предписывал высказывать это самое мнение, поэтому Артос лишь повторил жест, которым наградил стража, как только спустился по лестнице к решетке, призывая к молчанию.

— Я надеюсь, вы понимаете, что, если это окажется обычным блефом, — его глаза мрачно сверкнули, когда он перевел взгляд с Ноаш на Вентеркелля, — живыми вам не уйти?

Наконец-то советник вспомнил про присутствие колдуна. Пускай только и для угрозы.

— Вам тоже, — произнес Вентеркелль. — Поскольку никто из ваших лекарей не обладает знаниями и возможностями Ноаш.

Девушка приподняла подбородок и уголок губ, всем своим видом демонстрируя уверенность. Ее пульс участился, дыхание, которое она старалась сдерживать, еле заметно сбилось. С каждой минутой становилось все очевиднее - если их план провалится, это будет самая унижительная пара часов в ожидании казни за всю историю Северного Королевства. Ноаш не стала подтверждать слова колдуна, надеясь, что ее темные немигающие глаза говорят за нее куда красноречивее.

— Отворите решетку, — произнес советник, недовольно выдохнув.

Страж поспешил выполнить приказ. Когда дверь была открыта, Ноаш вышла за ее пределы, и Вентеркелль поднялся, чтобы последовать за ней, но его, повинуясь лёгкому кивку со стороны советника, быстро остановил страж.

— Только Спасительница, — произнес Артос, пренебрежительно растягивая последнее слово.

На мгновение Ноаш упустила власть над своей маской, которую удерживала до того, и в её глазах промелькнул страх. Их драгоценный план и весь этот день начали разваливаться на глазах. Она переглянулась с колдуном, но тот лишь хмыкнул и, пожав плечами, отступил от двери.

Девушка широко улыбнулась. Да, верно, ничего не произошло. По крайней мере для всех, помимо неё и колдуна. Нужно было держать лицо.

— Вентеркелль – мой помощник, — произнесла она, стараясь сохранять голос ровным.

— Королева попросила продемонстрировать ваши навыки. Разве вам нужны чары для того, чтобы использовать уже готовый образец? — В ответной улыбке Артоса сквозил яд.

Ноаш расслабленно качнула головой.

— Нет, но он также и мой защитник, — она сложила руки на груди, стараясь унять их дрожь. — Я уже говорила об этом. Ваш человек подтвердит.

Артос безразлично взглянул на стража, который утвердительно кивнул.

— Люди севера не выглядят доброжелательно настроенными по отношению ко мне, — продолжала девушка. — Разве можете вы гарантировать мою безопасность, — она сбилась на мгновение, но быстро продолжила: — по пути ко дворцу, который, думается мне, пролегает через весь город?

Советник приложил руку к гербу на своей груди.

— Даю слово королевской семьи, — начал он, — что это будет самый безопасный путь из всех, который вам когда-либо доводилось преодолевать. Никто не тронет вас до того самого момента, пока королева не сочтет нужным. Но это, — он выдержал паузу, словно чувствовал страх девушки и довольствовался им, — зависит уже только от вас.

Неожиданно громкими стали звуки ударяющихся о земляной пол капель, шелеста крыльев притаившихся в тени летучих мышей и поскрипывания при движении стража доспехов. Наконец стали различимы уху доносящиеся сверху, из казарм, разговоры. Даже собственное дыхание оглушало. Ноаш поджала губы, проваливаясь в панику. Доводы, которые могли бы

поспособствовать тому, чтобы Вентеркелль пошел с ней и исполнил свою часть плана, у неё закончились.

— Когда вы убедитесь в том, что мы не лжем и действительно можем помочь городу, — произнесла Ноаш, и голос показался ей чужим, — вы же отпустите его? Снимете с него эти... наручи?

Артос ухмыльнулся и слегка склонил голову.

— Обязательно, госпожа.

Страж вновь закрыл дверь клетки и вернулся на свой пост рядом с ней.

— Прошу, — советник указал рукой в сторону лестницы.

Ноаш медлила. Она в последний раз взглянула в золотые глаза. Уверенные и вечно немного ребяческие, они как обычно глядели в ответ с поддержкой и бесстрашием, которое пытался передать и девушке. Он кивнул и одними губами произнес: “Все получится”. И это помогло. Всегда помогало. Возможно, это было очередное скрытое умение колдунов, но благодаря двум словам Вентеркелля Ноаш нашла в себе силы, выпрямившись, поднять голову и прошагать к лестнице, не оборачиваясь в немой мольбе о помиловании. Но несмотря на то, что покидала она тюрьму с высоко поднятой головой, все её мысли были лишь о том, насколько людские жизни коротки. Тем более жизни лжецов.

Ее вывели под открытое небо, и солнце на миг ослепило глаза. Когда же взор прояснился, ему предстала городская улица. Шумная и грязная, каждый изъязн которой можно было легко рассмотреть благодаря яркому свету. Ноаш щурилась, прикрываясь от него рукой, но, несмотря на это, окружение казалось ей необычайно мрачным, словно сумрак не желал поддаваться напору солнца и покидать эти улицы.

Артос позвал двух стражей, что ждали его снаружи тюрьмы, и они встали по обе стороны от Ноаш, высокие и безмолвные, и тогда все они двинулись вперед за советником. Шли быстро. Улицы сменялись одна за другой, но не менялись пейзажи. Грязь и бедность бродили по брусчатым дорогам этого города, пожирая все на своем пути. Мелиос был на грани смерти, разлагался и стонал, и виной тому наверняка не была одна лишь хворь. Однако и она давала о себе знать. Они видели бездомных попрошаек, сидящих под небольшими навесами, и на их лицах уже начинали расцветать уродливые узоры Плесени. Зараженные размеренно покачивались из стороны в сторону, словно не могли устоять даже под легким напором ветра, и с их лиц уже пропадали всякие признаки жизни.

За очередным поворотом в тени невысокого хлипкого дома в глаза бросилась женщина, к которой никто не осмеливался подойти. Бездумный взгляд ее был направлен на то, что она держала в дрожащих руках, из последних сил покачивая, на то, что ранее можно было назвать младенцем. Его крохотное личико было изуродовано темными наростами так сильно, что сложно было распознать в нем человеческие черты. Отчаявшаяся мать не переставала надеяться на лучшее будущее, не отпуская свои плоть и кровь. Ребенок молчал.

Ноаш не пугалась. Она уже не раз видела подобное и при взгляде на очередной будущий безвольный живой труп, лишь крепче сжимала зубы - не от отвращения или жалости, но от осознания беспомощности. Она определенно *могла бы* им помочь, если бы ей позволили. Могла бы продемонстрировать весь свой потенциал, все свои знания, которые не смогли оценить на родине. Однако, увы, дозволение помогать людям нужно было еще заслужить.

В городе было оченьлюдно, а стражи рядом с Ноаш были достаточно крупными, чтобы горожане не реагировали на нее так бурно, как она могла ожидать по первому от Мелиоса впечатлению. Лишь иногда особо внимательные прохожие обращали внимание на худую фигуру, выглядывающую из-за широких силуэтов. Тогда люди либо не верили своим глазам, прищуриваясь и в итоге упуская ее из виду, либо ускоряли шаг, перешептываясь, если было с кем, и оборачиваясь.

Шли достаточно долго, чтобы Ноаш успела задаться вопросом о том, почему советнику королевы не предоставили лошадь, и чтобы она перестала обращать внимания на прохожих и вникла в то, как устроен город. Улицы Мелиоса закручивались спиралью и уходили вверх, иногда сужаясь, превращаясь в путанные и узкие. Невысокие дома, неяркие и с толстыми деревянными стенами стояли бок о бок и жались друг к другу, словно замерзшие зимой птицы. Это был север. Даже архитектура предупреждала о надвигающемся привычном этому месту холоде.

Когда их небольшой отряд был уже достаточно высоко, Ноаш смогла рассмотреть вид, который простирался за стенами Мелиоса. Лесные пейзажи, которые она не так давно пересекла, казались практически родными. В основном благодаря тому, как долго они с Вентеркеллем пытались их преодолеть. Окинув шелестящие на ветру макушки вековых елей взглядом, коим награждают дальних родственников, любовь к которым начинает проявляться только после расставания, девушка вернула все свое внимание окружению. Она неожиданно поняла, что, несмотря на то, как тяжело реагировало человеческое тело на такой резкий подъем, идти наконец стало легче.

Дорога под ногами стала ровнее, а Артос сбавил шаг. Впереди замаячили внушительного размера ворота, обвитые вырезанным из стали позолоченным плющом. От них отходила стена, делящая улицу надвое, а с двух сторон от ворот словно на их страже стояли статуи скалящихся псов размером чуть меньше стены. Вырезанные завитки шерсти, клыки и бездонные глаза молчаливо восхваляли создавшего их мастера, черный металл блестел на солнце, вызывая внутренний трепет. Рядом несли службу четверо стражей, вторя грозному оскалу псов и отпугивая всех, кто не должен был к воротам приближаться.

Желающих было не много. Уже не много, поскольку большинство давно оставило свои жалкие попытки. Но те, кто не желал мириться, группками безликих теней стягивались за советником и его спутниками. Они молили, пресмыкаясь на коленях, издав далеко, боясь приближаться к статуям, будто те могли ожить подобно древним богам. На что они надеялись? На то, что их заметят и пожалеют? Или же по нелепой случайности пропустят вместе с теми, кого власть имущие посчитали достойнее них? Так или иначе ничего из этого им не грозило.

На подходе к воротам Артос приказал своим спутникам остановиться, все еще не утруждая себя словами и делая это одним жестом. В одиночку, не замечая норвящих зацепится за подол его плаща людей, он приблизился к стражам у ворот и те, недолго думая, подали знак кому-то на стене. Ноаш попыталась вытянуть шею и рассмотреть, кому же там отдавали приказы, но никого не увидела. И, тем не менее, так и не показавшие себя прислужники на стене не заставили ждать: ворота с гулким скрежетом начали открываться. Вслед за Артосом, стражи и Ноаш последовали внутрь, сопровождаемые десятками безжизненных, ненавидящих их взглядов.

И вскоре этим людям, коих большая часть города назвала бы избранными, предстал совершенно иной Мелиос - яркий, находившийся высоко, каждый уголок которого освещался солнцем. Как только шум закрывающихся ворот стих, к советнику подвели коня, белоснежный волос которого стоил дороже, чем некоторые дома, мелькавшие за стеной на нижних уровнях города.

Сама жизнь здесь переворачивалась с ног на голову, заставляя эту самую голову идти кругом. Окружение было дороже, живее, роскошнее. Постройки из камня, о которых за воротами можно было лишь мечтать, являлись обычным, если не сказать пустяковым, делом. Каждый дом был уникален, а их хозяева старались выделиться как можно сильнее с помощью редких материалов и украшений. Вокруг, как и в нижней части города, суетились люди, но среди них Ноаш не заметила больных. Они выглядели счастливо, торопились по делам, переговаривались друг с другом о простом житейском, словно и не было никакой хвори, никакой опасности. Старики, дети и взрослые, одетые с иголочки, просто жили, пока остальной Мелиос

выживал. Ноаш никогда не видела подобного: люди стеной закрылись от всей грязи, что могла проникнуть к ним из того же самого города.

Верхняя часть не могла похвастаться тем же разнообразием неожиданных поворотов, уводящих в темные переулки и подворотни, какие были на каждом углу в нижнем Мелиосе, представляя собой лишь несколько светлых улочек, широкую, вымощенную камнем, площадь, да рынок, достаточно людный, но не грязный, привлекающий своим разнообразием товаров. На самой же вершине, в самом центре Мелиоса, надменно наблюдая за всеми свысока, располагалось массивное строение из темного камня.

Величественный Черный замок, вокруг которого и возводился город около тысячи зим назад. Множество легенд было сложено об этом месте, одна из которых гласила, что под ним, подпитывая замок своей силой, спит Азур, Черный пес - божество, что охраняет город. Говорили даже, что камень не был изначально столь темным, однако замок воедино слился со своим истинным хозяином, уподобляясь ему. Действительно, остроконечные башни замка своими шпилями устремлялись в небо, бросая длинные тени на Мелиос подобно животному с герба, что укрывает его хвостом, а ко входу вела столь высокая лестница, словно на ее вершине ждали сами боги. Легенда была красива, а людям хотелось верить в лучшее, но никто из них не мог сказать, что будет, если Азур проснется. Никто не мог сказать, на чьей стороне он окажется.

А пока Черный пес спал, Черный замок продолжал стеречь город. Отстроенный по приказу первого из королевского рода, до сих пор правящего Мелиосом, замок пережил сотни сражений, включая судьбоносную Кровавую битву, что обрушилась на город немногим после его возведения. Тогда еще неокрепший Мелиос попытались отбить соседние королевства, упиваясь своей силой и отказываясь идти на переговоры. Множество жизней оборвались в попытке захвата, но верхний город выстоял благодаря Черному замку - грандиозному и неприступному сооружению, словно парящему над Мелиосом.

Очертания его были резкие и угловатые. Фасад украшали редкие стрельчатые арки, похожие на наконечники стрел и перекрывающие оконные проемы, оставляя от них тоненькие разрезы, словно раны в шкуре огромного зверя. По бокам от основного здания отходили множество башен, переплетенных между собой изысканными контрфорсами и аркбутанами, что в свою очередь поднимали на недостижимую высоту потолки строения. Но выделяясь более всего, на каменном темном фоне прямо над входом ярким пятном горел огромный круглый витраж - око, что наблюдало за своими подданными.

И, глядя на это величие, Ноаш почувствовала невероятное отвращение, настолько сильное, что к горлу ее подступил ком. Это чувство юрко проникло в самую ее суть и обосновалось там, зацепившись острыми когтями. Вскоре оно уснет, подавляемое другим более сильным чувством страха, который так и не отпустил девушку, но надолго ли? Оно притаится, но не умрет, оно будет тихо нашептывать ей, незаметно управляя ее действиями, оно объединится с другими гадкими чувствами, что так легко окутывают сердца смертных. О, как податлива она будет, как не благорассудна. Тогда она послушает. Тогда она поймет.

Спешившись с коня, Артос повёл Ноаш по бесконечной лестнице. Девушка не могла не позавидовать ему: отдохнув на животном, советник с новыми силами поднимался по ступеням в то время, как Ноаш уже совершенно выбивалась из сил. Замедлиться ей не давали стражи по обе стороны, настойчиво подталкивая её вперёд, стоило хоть на секунду притормозить. Стараюсь заглушить усталость, Ноаш продолжала осматривать окружение.

Вдоль лестницы на невысоких пьедесталах горели десятки жаровен, от которых шло тепло, не поддающееся логичному объяснению: оно согревало даже на открытом пространстве несмотря на то, что огонь не разгорался слишком сильно. Это тепло в холодную зиму, вероятно, спасало, однако сейчас доставляло ещё больше неудобств. Каким-то необъяснимым образом оно удерживала порывы ветра, которые могли бы облегчить лёгкие своей свежестью. С каждой ступенью шум верхнего города все сильнее отдалялся, и в надвигающейся тишине Ноаш вновь

начинала ясно слышать свое гулко бьющееся сердце. Она не могла теперь сказать, от чего оно заходится быстрее: от страха или от невыносимой длины подъёма.

Когда наконец они были наверху, девушка взглянула на Артоса. Её поразила выносливость северянина, который даже в почтенном возрасте после преодоленного пути не переставал держать осанку, не позволяя себе слабину. Ведомая пока ещё не разрушенной за стенами замка гордостью Ноаш выпрямилась и постаралась не дышать уж слишком громко.

Артос остановился перед воротами замка, которые походили на ворота, разделяющие верхнюю и нижнюю части Мелиоса, но в миниатюре. Чуть над их головами послышались суетливые шаги. Ноаш хотела было поднять голову на звук, но её внимание перехватил советник. Сложив руки за спиной, он надменно оценивающе оглядел её с ног до головы.

— Держись подобающе, — строго проговорил он. — Это место – святая святых этого города. Оставайся рядом и не начинай говорить ни с кем без моего дозволения.

— Даже с вами? — выдавила из себя усмешку Ноаш.

Артос хмыкнул, переводя взгляд на ворота, которые начали отворяться. Здесь они не скрипели.

Прежде чем сделать шаг, скрываясь в замке, он произнес:

— Даже со мной.

Они ступили в замок, и ворота позади захлопнулись, оставив новоприбывших в огромной зале со сводами столь высокими, что начинала кружиться голова. Ноаш застыла, забыв про указание Артоса держаться рядом.

Она подняла голову разглядывая сотни фресок под потолком, каждая из которых рассказывала историю членов королевской семьи из столетия в столетие, воспевая их героизм и бессмертие в истории. В углублениях в стенах были расставлены тысячи свечей, горящих тем же жарким неугасающим пламенем, что был в жаровнях, и хороводы теней плясали вокруг. Ярче же всего в образующемся полумраке горели искры, осколки разноцветного света, что пробивался через огромный витраж над главным входом. Множество оттенков отражалось от мраморного пола, красочными мазками падая на фрески наверху, и тогда деяния, запечатленные на них, будто оживали.

Своеволью Ноаш вышла в середину залы, оказавшись в центре четырёхконечной звезды на полу. Артос остановил стражей, которые хотели последовать за девушкой. Он был горд тем, что южанка поддавалась впечатлению, которое и должен был производить Чёрный Замок, и не хотел прерывать момент. Девушка чувствовала себя крохотной и была не в силах отвести глаз от пугающей силы, что ее окружила. Чем дольше она смотрела – тем более ничтожной себя ощущала в сравнении с историей и личностями, что останутся здесь на века.

— Я... никогда не видела ничего подобного, — произнесла она, и эхо ее шепота отразилось от высочайших сводов замка.

Артос хмыкнул, подходя ближе, но не произнес ни слова. Он провел замороженную девушку к одной из четырех лестниц, ведущих из залы. Все выше и выше – уже не на улице, но в замке, к тронному залу, что построили гордецы, желавшие быть выше других и как можно дальше. Нет, замок не был местом, где жили боги, куда хуже – это было место, где жили люди, возомнившие себя богами.

Чем дальше они продвигались, тем больше Ноаш ощущала на себе давление каменных стен. Они душили ее, обхватывали своими невидимыми лапами. Казалось, они и вовсе были не рады людям, однако Артос выпрямлялся в этих проходах ещё сильнее, словно не было пределу его гордыни. В замке советник чувствовал свою значимость, покровительственно кивая редким пробегающим мимо услугам, не удосуживаясь перекинуться с ними и парой слов, но относясь к ним без презрения, со снисходительностью проводника между низшим и высшим сословием, не принадлежащего ни одному из них.

Не маловероятно, что дело было в изнурительном пешем пути, который никак не хотел завершаться, но время в замке, казалось, текло иначе и сложно было сказать, как долго Ноаш находилась в нем, прежде чем наконец оказаться в тронном зале, где ее толкнули на колени, заставляя опомниться от морока, навлеченного бесконечными ходами и темными стенами с пляшущими на них огнями свечей. Больно ударившись коленями о бордовый ковер, который не смягчил падение, Ноаш подняла недовольный взгляд и встретила им с женщиной, сидевшей на высоком троне, к которому вела очередная, пускай и невысокая, лесенка.

Женщина глядела, вздернув голову и чуть склонив ее набок словно под тяжестью навалившихся мыслей. На первый взгляд она казалась не многим старше Ноаш, которая видела лишь двадцать четыре зимы, но на ее молодом лице уже отразилась ноша пережитых ненастий. Лицо было худым с впалыми щеками и острыми скулами, подчеркнуто выделяющимися благодаря аккуратно собранным в косу волосам, полностью убраным с лица под арселе, украшенный поблескивающими в свете огня гранатами. Густые и длинные, волосы своей чернотой походили на беззвездную ночь, не привнося в образ правительницы ни толики жизни, что она постаралась исправить тщательно подобранной яркой одеждой. Помимо драгоценных камней в головном уборе, красными оттенками, подобно языкам пламени, перекликающимися между собой, пестрило тяжелое платье, подчеркивающее стройный силуэт женщины. И лишь искусная серебряная вышивка цветочного орнамента, украшающая корсет, коей так же были оторочены стоячий веерообразный воротник и длинные свисающие рукава, вторила серьезным серым глазам, глядящим на мир из-под пелены усталости.

Глядя на представшую перед Ноаш женщину, можно было действительно подумать, что королева была из тех правителей, на ком сказываются искренние переживания за свой народ.

— Ее Величество Галлет Эдме Альта д'Эвассейр, — прогремел, отражаясь от стен голос советника. — Третья своего имени. Нерушимая, Защитница Веры, Обещанная наследница Азура, Правительница Северного королевства.

Он низко поклонился, и Ноаш почувствовала, как страж позади надавил ей на плечо, чтобы она последовала примеру Артоса. Слегка склонив голову, исподлобья южанка оглядела зал. Интерьер здесь не превосходил залу с фресками, но окружение было более нарядным. Повсюду весели гобелены с золотой вышивкой и флаги с изображением черного пса, множество высоких вытянутых окон освещали зал яркими цветами витражей, а ковер на полу добавлял контраст. Однако, зал пустовал, и в звенящей тишине никакие украшения и броский облик королевы не могли разбавить удушающую атмосферу траура, что царил в этом месте. На мгновение Ноаш отчетливо увидела в красном оттенке ковра не ворс, но густой след крови, что вел прямо к подножию трона, на котором восседала Галлет. В горячей насыщенной жидкости отражался ледяной взгляд ее серых глаз, а на губах, вопреки хмурому выражению в жизни, у отражения играла надменная, властвующая ухмылка. Каскадами алых капель с обнаженного статного тела стекала кровь, смешиваясь с той, что на полу, образуя ужасающую картину...

Южанка тряхнула головой, пытаясь сбросить наваждение.

— Советник Артос, — произнесла королева голосом холодным, едва живым. — Что вы узнали о юной южанке, отчего-то названной Спасительницей?

Артос сделал шаг вперед.

— Моя королева, — он говорил, не глядя Галлет в глаза, чуть склонив голову, — Эта девушка уверяет, что у неё есть некое лекарство в количестве достаточном, чтобы исцелить от Плесени одного человека. Она желает... Продемонстрировать его действие.

Выражение лица Галлет подернулось недоверием - тем, чем королевским особам принято награждать любую новую информацию, даже если она касалась обыкновенной погоды за окном. Королева слегка склонила голову набок и оценивающе осмотрела Ноаш. Девушка все еще пыталась угнаться за своим разыгравшимся воображением, а потому не сразу осознала, что обращаются к ней.

— Ты хочешь, чтобы я доверила тебе одного из своих подданных, — звучал бесстрастный голос. — В слепой надежде, что не сделаешь хуже? Можешь ли ты доказать чистоту своих намерений?

Ноаш приоткрыла было губы, но продрагаться сквозь них позволила лишь тихому неразборчивому звуку. Южанка повернулась к советнику, игнорируя терпеливое ожидание Галлет. Артос опешил, нехотя отрывая взгляд от Ее Величества и испытующе одарил им Ноаш. Она помнила его слова и услужливо ожидала разрешения говорить с таким невинным видом, будто и не норовила вывести его из себя.

— Отвечай, когда вопросы задает Ее Величество, — раздраженно шикнул Артос, странным образом не меняясь при этом в лице.

Девушка вновь подняла голову на Галлет и та, давая понять, что говорить действительно можно, качнула рукой, увешанной перстнями. Невероятно, как такая хрупкая ручка выдерживала столько тяжелых камней?

Оттягивать момент более было невозможно. Ноаш крякнула, прочищая горло и удивляясь своей же несуразности, и, отсчитав три удара сердца, начала говорить.

— Ваше Величество, вы когда-нибудь теряли родных?

Тишина, привлеченная её словами, отравила помещение. Безрадостное выражение лица правительницы стало ещё более болезненным, осунулось. Простой вопрос, неочевидный, но жестокий, такой насущный и понятный каждому смертному, вдруг вцепился в Галлет, сковывая её жгучими прутьями и заставляя оцепенеть. Истинные чувства скрылись где-то далеко внутри за умением держаться и притворяться, и в глазах промелькнуло лишь негодование, сменившееся вскоре ещё большим недоверием. Подозрением.

Но что это было за истинное чувство? Неужели... *страх*?

Стойкий Артос еле заметно свел брови и подавил желание переглянуться со стражами, не веря своим ушам. Вопрос для местных был бестактен и оскорбителен, поскольку все в пределах Мелиоса знали на него ответ. Безусловно, в этот момент советник лишний раз убедился в том, что на юге живут варвары.

— У меня был муж, — ответила Галлет, окончательно расправившись с эмоциями. — И был брат, — она наклонилась вперед. Пальцы чуть крепче удерживали подлокотники трона. — Надеюсь, я ответила на твой вопрос, поскольку желаю теперь получить ответ на свой.

Южанка кивнула, слегка приподнимая подрагивающие уголки губ. Держать лицо и говорить уверенно. Два правила, каким учил Вентеркелль Ноаш. Два самых важных правила, с помощью которых, как он говорил, можно было управлять миром, притом - совершенно без магии. Иногда девушка и сама начинала сомневаться в том, что он действительно колдун, а не просто красноречивый менестрель.

— Конечно, — произнесла она. — Раз вам знакомо чувство утраты, вы должны понять. Две зимы назад мой родной город, Портвенир, пал жертвой хвори, что теперь терзает вас, — она ненадолго замолчала, поддерживая с Галлет зрительный контакт. — Не знаю, доходили ли до вас вести... Доставлять их было некому. Но наконец я здесь... вместе с желанием помочь.

Ноаш будто разговаривала со статуей, какие видела в замке по пути к тронному залу. Холодной, безликой, с выточенным из камня выражением лица. Галлет была вся внимание, но не выказывала ни единой эмоции, что смогла бы направить девушку, подсказать, в правильном ли она направлении следует. Юной Ноаш еще не доводилось встречаться лицом к лицу с королевскими особами и тем более не доводилось им ничего доказывать. Сложно было определить, насколько жалко она себя чувствовала, но, стараясь не терять хотя бы внешней уверенности, продолжала.

— Когда мы теряем дорогих людей, — Ноаш понизила голос, чтобы было легче его контролировать, — мы жаждем мести, верно? Но Плесень - не враг, которому можно отомстить, а потому все, что в моих силах, — она переставляла слова в голове, не прерываясь, — все, что

я могу сделать, чтобы заглушить боль внутри - это спасти чужой город, раз не смогла помочь своему.

Звучало хорошо. Заготовленный, по ходу измененный и всего на половину лживый монолог был произнесен уверенно, эмоционально и не слишком сложно. Нюанс был всего один: никого он не покори.

Спустя минуту невыносимой тишины Галлет кивнула Артосу и тот задал всего один вопрос:

— Как вы выжили?

— Меня не было в городе. И верно, это не совпадение, — глядя на закрывшееся сомнение на лице советника и предвосхищая его вопрос, добавила Ноаш. — Мой отец был ученым в столичной академии, а я его единственной ученицей. Опуская ненужные детали, скажу: он первый забил тревогу об эпидемии. Это меня и спасло.

— Он отослал вас? — нахмурился Артос.

— Он, — когда Ноаш терялась в словах, она начинала обращать внимание на другие отвлекающие факторы, например, на то, что у нее начинают нестерпимо болеть колени. — Он... Могу я подняться?

Артос возмущенно хмыкнул, но Галлет, прищурившись, кивнула, и Ноаш с облегчением поднялась на ноги. Она отряхнулась, проводя руками по поношенным штанинам, которые выглядели инородно в тронном зале, да и во всем верхнем городе. Каких-то пара секунд тишины, разбавленной шуршанием ткани, позволили собраться с мыслями. Ноаш подняла голову с чуть большей твердостью, подкрепленной возможностью смотреть на присутствующих не с низу вверх, и южный акцент вновь зазвучал в Черном замке.

— Мой отец не отсылал меня. Я ушла сама в надежде заручиться поддержкой клана из гор...

— Колдуны не помогают смертным и не спускаются к ним, — зашелестел Артос. — Озаренным Богами запрещено напрямую вмешиваться в ход времени.

— И тем не менее, один из них, как вы знаете, сейчас здесь, с нами в одном городе, — ухмыльнувшись, Ноаш переводила взгляд с Артоса на Галлет и обратно.

“Ждет за решеткой из-за вашей предвзятости” - эти слова не прозвучали в тот день, однако были бы очень кстати. Но и без них каменная маска Галлет на мгновение дала трещину, ибо удивление промелькнуло на нем, разглаживая хмурые морщинки.

— Неужели правда? — сдержанно спросила она, обращаясь, скорее, к советнику, нежели к девушке. — Значит, это не суеверные восклицания стражей?

— Похоже на то, моя королева, — подтвердил Артос, сплетя руки за спиной. — Знак на его руке это подтверждает. Сейчас колдун обезврежен.

Галлет пару раз стукнула ногтями по подлокотнику, сопровождая тихой дробью свои размышления.

— Сам Озаренный Богами, — протянула она. — Я должна поговорить с ним.

Правители нередко советовались с колдунами, однако не было еще в истории прецедента, когда одного из них приводили в тронный зал на аудиенцию слово просителя из нижней части города. Эта мысль будоражила.

— И он помогал тебе с этим... лекарством?

— Его знания направили меня, — отвечала Ноаш наконец без толики лжи, — а его сила не раз выводила из тупиков, но лекарство было основано на записях моего отца, заметках, оставленных тогда, когда хворь только начинала обретать свою силу. Эти записи попали ко мне в руки из самого эпицентра Плесени и имеют невероятную ценность. Позвольте доказать это, — она выдохнула и сделала шаг вперед, сзади послышался стук стальных сапог стражей. — Буду честна: мне нужны покровительство и вложения, нужны возможности. Если вы не хотите доверять мне сейчас, — Ноаш решила попытаться повременить со своей возможной казнью,

— дайте мне время, и я докажу, что *могу* создать лекарство, чтобы больше никто и никогда не потерял тех, кто ему дорог.

По окончании своей речи, Ноаш опустила голову, будто в поклоне, на самом деле пряча глаза, которые начало щипать от волнения. Она простояла так какое-то время, ожидая реакции, и начала было думать, что, когда окружение скрылось за упавшими на лицо волосами, все присутствующие резко исчезли.

— Артос, — обратилась наконец королева, — я знаю, что вы с лекарем в хороших отношениях и виделись сегодня не по моему приказу. Что он говорит?

Советник выпрямился как струна, перебирая пальцами сцепленных рук. Вопрос, который был для чужака, подобно Ноаш, слишком расплывчатым, для Артоса обретал острую форму.

— Ваше величество, — хрипотца появилась в его голосе, — он не хотел бы делать преждевременных выводов, а оттого попросил не...

— Артос, — даже Ноаш дернулась от того, как было произнесено это имя, пускай оно и не принадлежало ей. — Каковы прогнозы?

— Около двух дней.

Ноаш уже подняла голову и увидела, как королева поднялась с трона, и девушка применила всю силу воли, чтобы не отступить к двери. Сквозь пульсирующий шум в ушах Ноаш слышала шорох ткани, поступь невысоких каблучков по лестнице и ковру. Не проронив ни слова, Галлет под пристальными взорами собравшихся приблизилась к южанке. Сидя на троне, она казалась куда ниже, теперь же, на расправившую плечи женщину с высоко поднятым подбородком Ноаш приходилось смотреть снизу вверх. Смотреть и с трудом не замечать перед глазами крови, что вновь, продираясь через воспоминания, капала с бледного лица.

— Покровительство, вложения и возможности, — голос королевы звучал глубоко и внушительно, Галлет осознавала свои силу и влияние. — У тебя будет все, если твой образец работает, если он хотя бы оттянет развитие хвори. Я озолочу тебя и твоего колдуна.

Навлекшая все это сама на себя, добровольно пришедшая в Мелиос, Ноаш, осознав, как близко находится к своей цели, почувствовала, как паника застряла в горле, мешая говорить и даже думать о том, что она могла бы сказать. Южанка, не мигая, смотрела на Галлет в ожидании дальнейших распоряжений, ощущая опасение, предвкушение, трепет, надежду и нечто пока менее заметное, ковыряющее плоть где-то на задворках сознания. Презрение, появившееся в ее разуме вместе с необъяснимыми видениями.

Люди поразительны: сколько эмоций разом могли одновременно встретиться в одном маленьком худом тельце.

— И да помогут тебе Четверо, если ты мне солгала.

Ноаш вновь вели по темным коридорам замка, заводили будто в подземелье, где хранилось бесценное сокровище, сокрытое от чужих глаз. Глубже, глубже внутрь Черного замка, оплетающего своей паутиной, манящего и отталкивающего одновременно. Своды, рассказывающие историю, закручивались, мелькали перед глазами ниши с оживающими статуями с обезображенными лицами, гулким эхом и тихими шепотками доносились с разных сторон предсмертные хрипы и стоны истязаемых, пробираясь под кожу, растворяясь в мурашках. Ноаш зябко ежилась, чуть не пригибаясь к полу, чувствовала, как по спине течет струйка пота, думала: неужто сходила с ума? Неужели страх настолько заволок мысли? Но, пускай все остальные ничего не замечали, предаваясь забвению в своей лжи, чужестранка единственная была достойна увидеть истину.

Коридоры сменились покоями, приглушенный свет которых смог отогнать тьму, притаившуюся в замке, и южанка вновь видела то, что видят все: просторную комнату, в которую стражи пустили лишь ее и Галлет, прежде - протянув обеим перчатки.

Покои, находившиеся в глубине замка с единственным окном, выходившим во внутренний двор, тем не менее с легкостью можно было назвать роскошными. Однако Ноаш не заинтересовала дорогая мебель: невысокие кресла с резными ножками из красного дерева, обеденный столик, окованный фигурными полосами металла сундук и широкая кровать с балдахином, какой могла бы гордиться сама королева. Она не обратила внимания на множество игрушек, лежащих на всевозможных поверхностях, в большинстве своем представляя из себя вырезанные из дерева фигурки: рыцарей, дам и различных животных, и на детально проработанный макет замка, впечатливший бы даже любого взрослого.

Более всего в глаза южанке бросился гобелен, висящий под искусным барельефом, цветами украшавшим стены под самым потолком. Гобелен изображал рыцаря, доблестно сражающегося с человеком в черном рваном плаще и накинутом капюшоне - эдаким преступником без чести, который, судя по его позе на вытканном рисунке, собирался незаметно достать из-под плаща кинжал. На фоне, позади сражающихся ожидала дама, вероятно, готовая отдать руку и сердце победителю, которым, конечно, окажется рыцарь. Вечный сюжет из детских книжек, перекочевавший на произведение искусства, однако Ноаш не могла отвести взгляд от одной странной детали. Она заметила золотую маску, полностью покрывающую лицо девушки - непривычный для севера предмет, что встречался лишь на юге, по легендам обозначая безграничную власть, равную лишь богам. Южанка хотела было задать вопрос Галлет, не обращая внимания на субординацию, но стоило приглядеться к узору на драгоценном металле из нитей, как слова застряли в груди. Никакой маски на улыбающемся лице дамы не было.

Нет, наваждение все еще следовало за Ноаш по пятам и не было возможности избавиться от него так скоро. Черный замок - место, окутанное мрачными легендами и еще более мрачным прошлым, о котором все постарались забыть, но в конце концов должно было настать время, когда оно о себе напомнит.

Южанка забегала глазами из стороны в сторону в попытке отвлечь внимание от игры своего разума и наконец заметила в углу комнаты прячущийся за макетом детский силуэт. Увлеченный игрой, он и не заметил посетителей и до сих пор не обращал на них никакого внимания.

— Эттель, — позвала королева неожиданно мягким тихим голосом, едва воздерживаясь от того, чтобы протянуть к ребенку руки.

Тогда Ноаш наконец поняла, что её ожидает. Сердце ухнуло куда-то вниз живота. Она увидела, как из тени макета, покачнувшись, поднялся мальчик лет семи, одурманенный слабостью. Для своего возраста высок и худощав, он оперся на деревянный меч и постарался выпрямиться настолько, насколько позволила бы длина клинка. На лицо и плечи падали насыщенного цвета рыжие волосы, какие редко можно было увидеть на севере. Здесь таких людей называли Рожденными Солнцем и пророчили им долгую и счастливую жизнь, отчего еще сильнее напоминал жестокую шутку тот факт, что под этими волосами лицо и руки испещряла Плесень, ее темное гниющее плетение.

Эттель склонил голову в знак уважения, а когда поднял - взглянул на Галлет ее же уставшими серебряными глазами.

— Мама.

Принц Эттель д'Эвассейр был тем, кого Ноаш предстояло излечить. Какой скандал разразился бы, если бы кто-то в верхнем городе узнал, что в Черном замке есть зараженный, да к тому же сам сын королевы. Но что будет, если Ноаш не сможет ему помочь? Выставят ли ее казнь на обозрение, объявив, что она оказалась шпионкой юга, подосланной, чтобы убить наследника престола? Теперь она задавалась этими вопросами, не веря тому, что королева настолько отчаялась, чтобы доверить ей собственного сына.

— Эттель, милый, как твое самочувствие? — спросила Галлет, не осмеливаясь ступить ближе, рискуя оставить Мелиос без правителя.

— Кажется, лучше, — Эттель вымученно улыбнулся, подобно матери, не двигаясь с места. — Лекарь сказал, что скоро пойду на поправку, — голос его дрожал. Он не верил в свои же слова.

Впервые за вечер, этот день или даже за всю жизнь королева опустила глаза в пол, мысленно отдавая другим контроль над ситуацией.

— Конечно, — произнесла она, не глядя на сына. — Разве может быть иначе?

Она перевела взгляд на южанку.

— Вы уверены? — В растерянности спросила Ноаш, никак не веря тому, что это действительно происходит.

Ответом ей стал душераздирающий неумолимый взгляд матери, которая находилась в безысходном положении и не готова была потерять ребенка. И тогда время застыло. Ноаш казалось, что она говорила что-то напуганному, но слишком слабому, чтобы спорить, принцу. Она пыталась рассказать ему о юге, о своих странствиях, чтобы понравиться ему, отвлечь и не вызывать неприязни. Ей казалось, что она подошла ближе и сняла крохотный бутылек, что все это время уже привычным грузом висел на ее шее. Она слышала, как Эттель рассказывал, что хотел стать рыцарем, когда подрастет. Ноаш казалось, что сердца она больше и не чувствует. Казалось, что она протянула откупоренный бутылек Эттелю, и он сделал глоток.

Все это ей казалось, потому что Ноаш спряталась в своих мыслях, где тихонько молилась всем известным ей богам.

Тик-так. Часы Судьбы пробили час заката. И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.